

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КСЕНОНИМОВ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ-БИОФИКЦИИ
ДЖ. БАРНСА «ШУМ ВРЕМЕНИ»**

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Володина Дарья Евгеньевна, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Аннотация. Отличительной особенностью лингвистики XXI в. является то, что язык и культура перестали изучаться отдельно и соединились в такой феномен, как лингвокультура. В связи с тем, что английский язык занимает лидирующую позицию в качестве языка мирового общения, а также интенсивно используется в качестве приложения к разным культурам, англоязычное описание иноязычных или внешних культур приобретает особую актуальность и значимость. В центре внимания настоящей статьи находится стилистическое функционирование культурно-маркированной лексики – ксенонимов, представленных в постмодернистском романе-биофигии Дж. Барнса «Шум времени». В работе также даётся обзор стилистических функций ксенонимов в целом и приводятся примеры употребления разных культурно-маркированных лексических единиц – топонимов, полионимов, урбанонимов, а также лексических и семантических калек, представленных в романе-биофигии «Шум времени», введенных автором для стилизации текста. Именно посредством использования разных лингвокультурных и стилистических средств в своем биофигиональном повествовании англоязычному автору при репрезентации реального пространства в вымышленном мире художественного текста удалось смоделировать окружающую его героев среду.

Ключевые слова: ксенонимы, стилистические функции, лингвокультурология, стилизация текста, роман-биофигия, внешняя культура, внутренняя культура, инолингвокультура.

Для цитирования: Катермина В.В., Володина Д.Е. Стилистические функции ксенонимов в постмодернистском романе-биофигии Дж. Барнса «Шум времени» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 228–232. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-228-232>

Research Article

**STYLISTIC FUNCTIONS OF XENONYMS
IN THE POSTMODERN BIOFICTIONAL NOVEL
“THE NOISE OF TIME” BY JULIAN PATRICK BARNES**

Veronika V. Katermina, Doctor of Philological Science, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Darya E. Volodina, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Abstract. A distinctive feature of linguistics of the 21st century is that language and culture are no longer observed separately and have merged into such a phenomenon as linguoculture. Due to the fact that English occupies a leading position as the language of world communication and is often used as an application to different cultures, the English-language description of foreign or external cultures is becoming more topical and important. The main aim of this article is to describe stylistic functions of such culturally marked vocabulary as xenonyms presented in the postmodern biofictional novel “The Noise of Time” by Julian Patrick Barnes. The article provides an overview of the stylistic functions of xenonyms in general, and it also gives examples of the use of some other culturally marked lexical units, such as toponyms, polyonyms, urbanonyms, lexical and semantic calques, presented in the biofictional novel “The Noise of Time” and use by the author in order to enrich the narration. Due to the use of various linguistic, cultural and stylistic means in his biofictional narrative, the English-speaking author managed to represent the environment surrounding his characters when representing real setting in the fictional world of a literary text.

Keywords: xenonyms, stylistic functions, linguoculturology, text stylisation, biofictional novel, external culture, internal culture, foreign linguoculture.

For citation: Katermina V.V., Volodina D.E. Stylistic functions of xenonyms in the postmodern biofictional novel “The Noise of Time” by Julian Patrick Barnes. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 228–232 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-228-232>

Проблема взаимоотношения языка и культуры волнует исследователей на протяжении многих лет. В современном мире данный вопрос является весьма актуальным, поскольку процессы глобализации способствуют появлению новых возможностей для межкультурной коммуникации. У каждого народа существует своя «картина мира» и категоризация действительности, что находит непосредственное отражение в языке.

Как правило, слово не только обозначает конкретный предмет или явление, но и вызывает множество дополнительных ассоциаций. Так, можно утверждать, что каждая лексическая единица создает вокруг себя так называемое семантическое и ассоциативное поле, которое в полной мере будет понятно и известно лишь представителям определенной культуры.

Это касается, прежде всего, слов, которые являются специфичными для конкретного народа и содержат определенную информацию об истории, культуре, традициях и быте носителей языка. К такой группе слов можно отнести культуронимы, лексические единицы, участвующие в иноязычном описании той или иной культуры. Как отмечают современные исследователи Е.В. Белоглазова и В.В. Кабакчи, в рамках интерлингвокультурологии «культуронимы, закрепленные за специфическими элементами культур, определяются как идиокультуронимы» [Белоглазова, Кабакчи: 27]. Они, в свою очередь, подразделяются на две группы: внутрикультурную специфическую лексику – «идионимы» и «чужие», иноязычные идиокультуронимы – «ксенонимы» [Белоглазова, Кабакчи: 27], об анализе функций которых речь пойдет далее.

Общеизвестным является тот факт, что язык как средство стилизации художественного текста и передачи специфических черт разных (внешних) культур обладает определенными функциями. Так, рассмотрим номенклатуру функций языка, предложенную советским и российским лингвистом А.А. Леонтьевым. Исследователь описывает язык как средство передачи «общественно-исторического опыта человечества» [Леонтьев: 34] и «специфического национально-культурного опыта конкретного народа» [Леонтьев: 34]. На наш взгляд, применительно к ксенонимам как к элементам инолингвокультурного контекста особую важность приобретает вторая из перечисленных выше функций, связанная с передачей культурного опыта конкретной нации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из основных функций таких языковых единиц, как ксенонимы, является культурологическая функция.

Что касается вторичных функций языка, то здесь А.А. Леонтьев выделяет эстетическую функцию, связанную с наделением некоторой лексической единицы значимостью за счет его особого положения в тексте или употребления вне привычной для неё сферы, т. е. ксенонимы могут обладать такой функцией, как функция стилизации.

Следует подчеркнуть, что данная функция наиболее ярко проявляется в контексте инокультурной литературы, в которой автор, пишущий и создающий художественные произведения на английском языке, стремится стилизовать текст, наделив его культурно-маркированными лексическими единицами, которые, в свою очередь, являются средством передачи культурно значимой информации.

Рассмотрим функцию стилизации на примере романа Дж. Барнса «Шум времени». Данный художественный текст представляет собой образец английского биофигционального повествования, действие в котором происходит в России XX века. В нем изображается жизнь крупнейшего советского композитора и музыкально-общественного деятеля Д.Д. Шостаковича.

Как известно, при репрезентации реального пространства в вымышленном мире художественного текста в большинстве случаев писатели используют различные лингвокультурные и стилистические средства, посредством которых они моделируют в соответствии со своим замыслом окружающую их героев среду. Как утверждает сам Дж. Барнс, «это отвечает не только моему эстетическому восприятию, но и моим интересам – дух книги лучше выражать посредством стиля, путём использования определённых оборотов речи, немного странных оборотов, которые подчас могут напоминать переводной текст. Именно это, по-моему, даёт читателю чувство времени и места. Мне не хочется писать нечто вроде “он прошёл по такой-то улице, свернул налево и увидел напротив знаменитую старую кондитерскую или что-то там ещё”. Я не создаю атмосферу времени и места таким образом. Уверен, что гораздо лучше делать это посредством прозы. Любой читатель способен понять, о чем идёт речь, смысл совершенно ясен...» [Барнс: 8]

Естественный язык «существует в тесной связи с исторически обслуживаемой им культурой, образуя с ней диалектическое единство – лингвокультуру», для описания которой в языке формируется «специальная номенклатура – культуронимы» [Белоглазова, Кабакчи: 50], т. е. наименования элементов любой культуры. В нашем случае автор, обращаясь в своём

произведении к описанию внешней, т. е. русской, культуры посредством английского языка, «вынужден приспособляться к “чужой” культуре, адаптируя свой словарный состав в соответствии со спецификой внешней культуры» [Белоглазова, Кабакчи: 7] и использовать в своём повествовании ксенонимы, языковые единицы, являющиеся «средствами передачи культурно-значимой информации» [Леонтьев: 95]. В то же время американский исследователь, историк и философ Л.О. Минк утверждает, что «...история подразумевает наиболее полное и достоверное изображение событий из прошлого» [Mink: 182–183], в то время как в художественном произведении, в нашем случае в биофигиональном повествовании, автор стремится детально реконструировать определённый период жизни своих персонажей посредством внедрения в свой текст разных литературных техник и инолингвокультурных вкраплений. При этом абсолютная точность от него не требуется и не соблюдается.

Итак, моделируя образ Петербурга – русского города художественного пространства, которое является основным местом действия анализируемого нами романа-биофигиции, Дж. Барнс вводит в свой англоязычный текст элементы инолингвокультуры (в данном случае русской культуры), которые, в свою очередь, формируют «инолингвокультурный контекст» [Белоглазова, Кабакчи: 51]. Данные инолингвокультурные элементы позволяют автору реализовать установку на аутентичное описание, а также усилить фактографичность повествования.

На первых же страницах романа Барнс воссоздаёт русский культурный контекст, насыщая описание небольшого эпизода на железнодорожной станции ксенонимами: «Blessed by the village priest, he had set off to fight for his homeland and the Tsar» [Barnes: 1] («С благословения сельского батюшки [он] отправился сражаться за царя и отечество») [Барнс: 11], «Some passengers might toss him a kopeck or two for entertainment...» [Barnes: 11] («Авось кто-нибудь [из пассажиров] да бросит копейку-другую в благодарность за развлечение...») [Барнс: 13], «In reply, the man with spectacles held up a bottle of vodka» [Barnes: 1], («В ответ очкарик поднял перед собой бутылку водки») [Барнс: 14], «And so there were three of them, the traditional vodka-drinking number» [Barnes: 1] («То бишь выдалась возможность сообразить на троих») [Барнс: 14].

Автор использует не только лексические единицы, передающие реалии русской культуры и жизни («Tsar», «kopeck», «vodka»), но также демонстрирует знание русских традиций, или так называемых русских «ситуативных реалий» [Белоглазова: 161]: получить благословение у священника перед трудным делом, употреблять алкоголь в компании, состоящей из трёх человек.

Перейдём к анализу ксенонимов, используемых Дж. Барнсом при описании Петербурга. В первой главе романа перед читателем возникает образ Петербурга как советского города в течение 1910–1930-х гг., страшного периода государственного террора и репрессий. Находящийся под гнётом власти, пребывающий в состоянии неопределённости и смятения, измученный страхом, объявленный врагом народа, Шостакович проводит каждую ночь на лестничной площадке в ожидании ареста, вспоминая свою жизнь:

– «One of his persistent waking nightmares was that the NKVD would seize Galya...» [Barnes: 15] («А днём его преследовал другой кошмар: вдруг НКВД заберёт Галю...») [Барнс: 16];

– «Tchaikovsky was decadent, and the slightest experimentation condemned as ‘formalism’» [Barnes: 15] («Чайковского объявляли упадочническим композитором, а на любые экспериментальные направления навешивали ярлык “формализм”») [Барнс: 37].

Как видно из приведённых выше примеров, при моделировании пространства автор использует разные маркеры культурной локализации, а именно – транслитерированные заимствования.

Примечательным является то, что в следующем примере инолингвокультурный контекст создаётся посредством использования автором французского слова «conservatoire» для обозначения музыкального учреждения: «...while he was still at the Conservatoire a group of Leftist fellow students had tried to have him dismissed and his stipend removed» [Barnes: 15] («Но почему-то всегда, с самого начала выискивались те, которые точили когти о его душу: ещё в студенческие годы группка ретивых однокашников добивалась, чтобы его сняли со стипендии, а потом и вовсе исключили») [Барнс: 36–37].

На наш взгляд, автор намеренно использует именно французское заимствование «conservatoire», а не английское «conservatory» для дистанцирования от первичной культурной ориентации «за счет дифференциации языковых средств, используемых для описания внутренней и внешней культуры» [Белоглазова, Кабакчи: 51].

Следующим способом, который Дж. Барнс широко использует для создания инолингвокультурного пространства, является калькирование, процесс буквального перевода слов и словосочетаний. В текст повествования автор вводит многочисленные кальки: семантические («Party», «Power», «Soviet Art», «a model Soviet citizen») и лексические («the Cult of Personality», «the enemy of the state», «Leftism»).

Ещё одним способом передачи внешнекультурных реалий, встречающимся в данном романе-биофигиции и обеспечивающим понимание русских ксенонимов, являются так называемые гибридные образования, в которых один элемент ксенонима заимствуется,

а другой переводится: «He remembered the pain that night before they took his appendix out. Throwing up twenty-two times, swearing all the swear-words he knew at a nurse, then begging a friend to fetch the militiaman to shoot him and end the pain» [Barnes: 9] («Он вспомнил, как мучился от боли в ночь перед операцией аппендицита. Двадцать два раза начиналась рвота; на сестру милосердия обрушились все известные ему бранные слова, а под конец он стал просить знакомого, чтобы тот привёл милиционера, способного единым махом положить конец всем мучениям») [Барнс: 19].

Следует подчеркнуть, что использование специальных ксенонимических наименований элементов русской (внешней) культуры зачастую приводит к усложнению текста англоязычного повествования, поэтому в некоторых случаях писатель прибегает к менее точным способам создания инокультурного контекста, которые отражены в следующих примерах:

– описательные обороты: «It was as if, when drawing up their plans for Soviet Russia, the architects had been thoughtful, meticulous and well-intentioned, but had failed at a very basic level» [Barnes: 171] (в данном случае автор не конкретизирует элемент внешней (русской) культуры, на который он ссылается: СССР или РСФСР?);

– замена русскоязычного культурного маркера английским аналогом: «The beggar stopped singing his filthy song. Dmitri Dmitrievich held the bottle, ...poured vodka into each glass» (рюмка/стакан?) [Barnes: 180];

– замена русскоязычного ксенонима родовым понятием: «Prokofiev had left Russia for the West shortly after the Revolution» [Barnes: 41] (в данном контексте автор не уточняет, о какой именно из трёх революций начала XX века идёт речь);

– использование автором полионима, т. е. такого универсального культуронима, посредством которого могут быть описаны элементы как внешней, так и внутренней культуры: «The Marshal acted as his patron, organising financial support for him from the military commander of the Leningrad District» [Barnes: 13] (район/округ?).

Следует подчеркнуть, что для наиболее достоверной передачи аутентичного образа Петербурга XX века Дж. Барнс в своём англоязычном повествовании также использует большое количество топонимов, в том числе урбанонимов, имён собственных разных внутригородских топографических объектов, образованных чаще всего при помощи калькирования: «Nikolayevskaya Street», «Bolshaya Pushkarskaya Street», «the Finland Station», «the River Neva», «Nevsky Prospekt», «Liteiny Prospekt».

Важную роль в репрезентации советского Ленинграда играют и присутствующие в тексте калькированные названия различных городских учреждений. Приведём некоторые примеры:

– «She worked as a typist in the Chamber of Weights and Measures, and gave piano lessons in exchange for bread» [Barnes: 11] («[Софья Васильевна] Устроилась машинисткой в Палату мер и весов, давала уроки музыки в обмен на продукты») [Барнс: 33];

– «He had been backstage at the Small Hall of the Conservatoire, feeling chastened and sorry for himself» [Barnes: 13] («Ещё студентом он, униженный, на грани слёз, стоял за кулисами Малого зала консерватории») [Барнс: 35].

Особого внимания заслуживает тот факт, что Дж. Барнс не только использует маркеры культурной локализации в своём повествовании, но также стремится передать атмосферу безнадёжности и страха, царившую в советском Петербурге на данном этапе истории: «...Power, as it expressed itself to people like him in Leningrad, resided in the Big House. Many who went into the Big House on Liteiny Prospekt never emerged again» [Barnes: 43] («...Власть эта, в том обличье, в каком являла себя гражданам вроде Дмитрия Дмитриевича, обитала в Большом доме на Литейном проспекте. Многие из побывавших у нее на приеме как в воду канули») [Барнс: 57]. Приведённый фрагмент текста насыщен разнообразными элементами инолингвокультурного контекста, которые, в свою очередь, несут в себе большую смысловую нагрузку. Используемые автором кальки «Power» (семантическая калька, обозначающая правящую партию) и «the Big House» (лексическая калька, обозначающая управление наркомата внутренних дел) помогают читателю погрузиться в полную страха и отчаяния атмосферу, в которой в то время были вынуждены пребывать большинство жителей Петербурга.

Особенно ярким и своеобразным, на наш взгляд, является использование автором в анализируемом нами произведении неологизмов. Отметим, что Дж. Барнс как автор-постмодернист намеренно прибегает к такому стилистическому приему, как ирония. В романе-биофикции «Шум времени» ироничный тон повествования проявляется за счёт словесной игры автора с топонимом «Петербург». Для обозначения данного элемента инолингвокультуры Дж. Барнс использует свой авторский неологизм, что представлено в следующем фрагменте текста: «What did a name matter? He had been born in St. Petersburg, started growing up in Petrograd, finished growing up in Leningrad. Or St Leninsburg, as he sometimes liked to call it» [Barnes: 11] («Да и что в имени? Родился он в Санкт-Петербурге, рос в Петрограде, а вырос в Ленинграде. Или в Санкт-Ленинбурге, как говаривал сам. Так ли уж важно имя?») [Барнс: 11].

Как известно, город на Неве в определённые исторические периоды имел разные названия. Однако автор-постмодернист Дж. Барнс, описывая жизнь композитора Д.Д. Шостаковича, создаёт фрагмен-

тарное, не всегда хронологически выстроенное био-фикциональное повествование, моделируя при этом фикциональный мир, характеризующийся так называемой «энтропией пространственно-временных отношений» [Белоглазова: 59]. Используя в своём повествовании различные названия одного и того же города и при этом внедряя в текст своё собственное наименование Петербурга, Барнс словно вовлекает нас в игру в фикциональность/фактографичность, тем самым как бы провоцируя у читателей «возникновение когнитивного диссонанса» [Белоглазова: 63]: «Leningrad» («Ленинград»), «Petrograd» («Петроград»), «St Leninsburg» («Санкт-Ленинбург»), «Petersburg» («Петербург»).

Таким образом, ксенонимы представляют собой лингвистические универсалии и являются следствием вторичной культурной ориентации языка. При этом данные лексические единицы имеют богатый функциональный арсенал, включающий в себя как стилистические, так и когнитивные функции.

Что касается анализируемого нами биофикционального повествования «Шум времени», то мы можем сделать вывод о том, что англоязычный писатель Дж. Барнс обладает глубокими знаниями в области русской истории, литературы и культуры, что подтверждает широкий аллюзивный и интертекстуальный пласт, присутствующий в данном романе. Кроме того, используя в своём тексте обильное количество лингвистических средств для вербализации русской культуры, а именно ксенонимов (полионимов, урбанонимов) и калек (как лексических, так и семантических), автору удаётся описать жизнь главного героя романа Д.Д. Шостаковича, весьма детально воссоздать образ Петербурга XX века, культурно-исторического фона и города, в котором жил и творил великий композитор, а также передать аутентичную атмосферу и настроение того времени.

Список литературы

Барнс Д. Шум времени: роман. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. 156 с.

Белоглазова Е.В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Волгоград: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 1, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 49–59.

Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 150 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 114 с.

Barnes Julian. The noise of time. London, Penguin, 2017, 183 p.

Mink O. Louis. Narrative Form as a Cognitive Instrument. Historical Understanding. Madison, Cornell University Press, 1987, 182 p.

References

Barnes D. *Shum vremeni: roman* [The Noise of Time: novel]. St. Peterburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2019, 156 p. (In Russ.)

Beloglazova E.V. *Diskurs anglojazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivy korpusnogo issledovaniya* [Discourse of the English Description of Russian Culture: Perspectives of Case Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Jazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 1, Linguistics], 2018, vol. 17, № 3, pp. 49–59. (In Russ.)

Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiju: ucheb. posobie dlja vuzov* [Introduction Course to International Linguoculture: the University Study Guide]. Moscow, Urajt Publ., 2019, 150 p. (In Russ.)

Leont'ev A.A. *Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Language, Speech and Speech Activity]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1969, 114 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 12.05.2022